

— А вы не могли бы рассказать о ваших отношениях с Ван Моумоу... — не сдавался один из репортеров, пытаясь вклинить с вопросом. — И что всё-таки произошло с тем пальто?..

Гу Яньчжоу демонстративно выдержал паузу, дослушав журналиста до конца. Затем, с самым серьезным и невозмутимым видом — будто действительно отвечал по существу, — произнес:

— Бюджет фильма «Маска» колоссален, на производстве мы не экономим. Все декорации и костюмы создавались по уникальным авторским эскизам, чтобы добиться максимальной исторической достоверности.

Шао Си тут же подхватил:

— Первые две недели мы проведем вовсе не на съемочной площадке. Наша цель — погружение в материал. Лично я в традиционной опере смыслю мало, а тех крох, что выучил ради проб, явно недостаточно. Только соприкоснувшись с этим искусством, понимаешь, что пекинская опера — глубочайшая наука. Будет время — лучше напишите об этом, поддержите наше национальное достояние.

— Так что картина «Маска» определенно стоит вашего ожидания, — подытожил Гу Яньчжоу и передал микрофон коллеге.

— Полностью согласен, — кивнул Шао Си. — Ждать стоит.

— И как пускать это в эфир?

После неловкой паузы среди представителей прессы пробежал шумок. Журналисты принялись вполголоса совещаться:

— Слушай, а вы о чем писать будете?

— Да без понятия. Я отправил запрос руководству, ответа еще нет. А вы в «Новостях шоу-бизнеса» что планируете?

— Сами не знаем. Спроси вон тех, из «Шоу-бизнеса в отрыве»...

Оператор из «Шоу-бизнеса в отрыве», согнувшийся под тяжестью массивной телекамеры, едва не плакал:

— А у нас вообще прямой эфир шел!..

Впрочем, предаваться унынию репортерам не дали. На горизонте стремительно появился режиссер Оу со своей свитой.

Возглавлял процессию приземистый круглолицый старик на велосипеде. Подкатывая ближе, он яростно тыкал в толпу пальцем и орал во все горло:

— А ну разошлись! Кто разрешил устраивать балаган на моей территории?! Проваливайте к чертям! Эй ты, с камерой, оглох? Быстро вырубил свою говнотрансляцию! И не дергайтесь тут у меня! Со мной восемнадцать телохранителей, мигом бока намнут так, что маму родную забудете!

Появление грозного режиссера подействовало мгновенно: толпа журналистов с писком брызнула в рассыпную.

Чэнь Ян, который созвонился с режиссером Оу всего несколько минут назад, наконец-то облегченно перевел дух.

А вот Ли Гуанцзун, никогда раньше не видевший великого мастера (во время проб он безвылазно просидел в машине), теперь стоял с открытым ртом.

— Ну и... харизма у него, — потрясенно пробормотал он.

Гу Яньчжоу сделал шаг навстречу и вежливо поздоровался:

— Режиссер Оу.

— Здравствуйте, режиссер Оу, — кивнул Шао Си.

Старик небрежно прислонил велосипед к бордюру и махнул рукой:

— Ладно-ладно, привет. Это мне вас благодарить надо — устроили нашему фильму такую пиар-кампанию прямо на старте!

С этими словами он направился к актерам.

— Полноте, — отозвался Гу Яньчжоу. — Так или иначе, мы доставили съемочной группе лишние хлопоты. Примите наши извинения.

Внимание Шао Си тем временем переключилось на грозную эскорт-группу за спиной режиссера. Ему еще ни разу в жизни не доводилось видеть постановщиков, разгуливающих с целым взводом амбалов.

— Ничего себе... — едва слышно пробурчал он себе под нос. — Мы что, в мафию играть приехали?

— Разогнался, — негромко усмехнулся стоявший рядом Гу Яньчжоу. Услышав ворчание парня, он легонько щелкнул его по лбу. — Обычная массовка.

Шао Си увернулся и недовольно повел плечом:

— Эй, руки при себе держи. Тоже мне, распустил лапы.

Но вместо того чтобы отступить, Гу Яньчжоу бесцеремонно взъерошил ему волосы на макушке.

Шао Си лишь сердито фыркнул, решив на этот раз не раздувать конфликт.

Массовка?

Интересно, откуда взялись столь колоритные актеры второго плана? Татуированные с ног до головы — у кого дракон на плече, у кого тигр, — все как один в черных майках под пиджаками. Настоящие шкафы два на два.

— Нам же сегодня даже сниматься не надо, — заметил Шао Си. — Вроде бы планировались только закрытые репетиции.

— Вот и я о том же думаю, — почесал затылок Ли Гуанцзун.

— Да эти-то? — Режиссер Оу махнул рукой куда-то в сторону западных павильонов. — Одолжил на пару минут у соседей, со съемок «Молодых и опасных». Лао Ци еще предлагал забрать все три сотни человек... Большой на голову, честное слово. Зачем мне триста амбалов? Я же не на войну собрался.

Перебросившись еще парой дежурных фраз, старик скомандовал:

— Ладно, поезжайте вперед. Встретимся у главного входа в корпус.

Но позволить пожилому режиссеру крутить педали под палящим солнцем, пока они сами с комфортом покатаются в просторных минивэнах, было верхом неприличия. Территория киностудии была огромной, путь пешком или на велосипеде занял бы прилично времени.

Идея поменяться транспортом принадлежала Гу Яньчжоу: он предложил Оу занять его место в комфортабельном минивэне, а сам вызвался доехать на старом велосипеде.

Чэнь Ян, конечно, сразу попытался вмешаться:

— Давай лучше я поеду на велосипеде, Яньчжоу. А ты садись к режиссеру.

— Тебе делать нечего? — осадил его тот.

Гу Яньчжоу прекрасно знал, что Чэнь Ян всю ночь занимался делами и толком не спал.

Ли Гуанцзун мысленно засыпал кумира комплиментами — за благородство, чуткость и доброе сердце, а затем без малейших колебаний пихнул Шао Си вперед:

— Давай, перехватывай инициативу! Где твое уважение к старшим? Чего застыл?

«Давай, папочка, твой выход! Лучшего шанса выслужиться перед режиссером не будет!»

В итоге обе машины уехали, оставив парней один на один со старым велосипедом.

Шао Си почесал кончик носа, огляделся по сторонам и неохотно предложил:

— Давай на пальцах сыграем. Кто проиграет — встает сзади.

У этого ржавого драндулета не было даже багажника — только две железные шпильки на задней оси, служившие подножками.

Гу Яньчжоу окинул его скептическим взглядом:

— На пальцах?

— Что за мина? — огрызнулся Шао Си. — Или сразу подраться хочешь?

Шао Си выставил сжатый кулак, но стоило ему выкрикнуть «Камень, ножницы, бумага!», как Гу Яньчжоу мгновенно раскрыл ладонь.

Шао Си уставился на свой кулак и непонимающе нахмурился:

— Откуда ты знал, что будет камень?

— Простая логика, — Гу Яньчжоу перехватил руль старого велосипеда и покатил его вперед. — Я предположил, что тебе будет лень менять жест. И не ошибся.

Шао Си действительно поленился раскрыть ладонь для бумаги или вытянуть два пальца для ножниц.

«...»

Возразить на это было абсолютно нечего.

Тем временем Ли Гуанцзун и Чэнь Ян, уподобившись преданным женам, ждущим мужей из дальнего плавания, застыли у входа в павильон С, высматривая двух кинозвезд на раритетном велосипеде.

Сверившись со временем, Чэнь Ян нахмурился:

— Уже минуты три прошло. Где их носит?

— Неужели опять на папарацци напоролись? — занервничал Ли Гуанцзун.

Они переглянулись, помолчали, и вдруг обоих осенила одна и та же мысль. В один голос они выдохнули:

— Слушай... а у того велика багажник вообще был?

Не было.

Багажником у велика и не пахло.

Балансирующий на узких подножках Шао Си мог подтвердить это с абсолютной уверенностью.

Крепко держась за плечи Гу Яньчжоу, он мерз под пронизывающим ветром, который безжалостно задувал под куртку.

— Долго еще? — взмолился Шао Си. Ноги уже затекли, а собственная поза казалась верхом нелепости. Пригнувшись к уху напарника, он предложил: — Может, поменяемся?

— Исключено, — отрезал тот. — Уговор дороже денег.

— Ну хоть ненадолго...

— Даже не проси. Я не собираюсь ехать сзади и выглядеть как идиот.

Шао Си задохнулся от возмущения:

— Ты сейчас назвал меня идиотом?

Гу Яньчжоу плавно заложил вираж на повороте:

— А тебе обязательно нужно все озвучивать вслух?

— Гу Яньчжоу!

Слыша, как парень за его спиной шипит от злости, выплевывая его имя, Гу Яньчжоу лишь едва заметно улыбнулся.

— А ведь я сто лет на велосипеде не ездил, — негромко заметил он.

С тех пор как они попали в шоу-бизнес, жизнь превратилась в череду ограничений. Любой шаг, любое слово — все под неусыпным надзором. Стоит просто выбраться в торговый центр за подарком для Шэншэн, как малейшая неосторожность грозит обернуться стихийным бедствием и давкой.

— Зато ты точно не пробовал кататься на запятках, — не сдавался Шао Си. — Ощущение полной свободы, гарантирую. Серьезно, давай меняться!

Спустя пару минут Ли Гуанцзун наконец завидел долгожданную процессию. Его дражайший «папочка» возвышался на запятках велосипеда, словно журавль среди болотной травы, а полы его одежды живописно развевались на ветру.

— Матушка пресвятая, это еще что за чудо природы? — хохотнул менеджер, незаметно вытаскивая телефон. Удержаться от смеха было выше его сил. — Ха-ха-ха! Вы только посмотрите на эту нелепость! Шао Си, наконец-то и на твою улицу пришел праздник позора!

Едва спрыгнув на землю, Шао Си первым же делом бросился к стеклянным дверям вестибюля — приводить в порядок прическу.

Тщательно уложенный с утра пробор превратился в сплошной хаос. Встречный ветер безжалостно зачесал все пряди назад, полностью открыв лоб. Избежать этой участи не удалось ни единому волоску.

Проходивший мимо Гу Яньчжоу не удержался и легким движением руки превратил только что

приглаженные волосы обратно в птичье гнездо.

— Руки убрал! — взвился Шао Си, судорожно пытаясь спасти челку.

— Сделай ультракороткую стрижку, под машинку, — посоветовал Гу Яньчжоу, притормаживая рядом. В зеркальном стекле отразились их силуэты — один высокий и невозмутимый, другой взъерошенный и злой. — Проблем знать не будешь.

— Избавь меня от своих советов, спасибо, — буркнул Шао Си.

Чэнь Яну показалось, будто между этими двумя витает какая-то странная, неуловимая атмосфера. Решив, что у него просто разыгралось воображение, он легонько толкнул Ли Гуанцзуна локтем в бок:

— Они что, теперь лучшие друзья? Когда успели так спеться?

— И не говори... — замороженно пробормотал Ли Гуанцзун, не сводя глаз с парочки. — Завидую черной завистью.

Чэнь Ян лишь покачал головой. С этим парнем явно тоже творилось что-то неладное.

Конференц-зал располагался на втором этаже. Режиссер Оу планировал устроить небольшую встречу, чтобы ведущие актеры пообщались и познакомились поближе перед началом изнурительных тренировок.

Исполнительницей главной женской роли оказалась выпускница театральной академии по классу традиционной оперы — девушка по имени Е Сюань. В индустрии она держалась обособленно и скромно, перебиваясь в основном эпизодическими ролями. В кулуарах вовсю шептались: станет ли эта картина для неизвестной актрисы тем самым счастливым билетом, который превратит серую мышку в настоящую звезду?

— Ну что, все в сборе, — режиссер Оу оперся ладонями о круглый стол в центре зала. — Давайте начнем с короткого знакомства. Кто первый?

Право открыть встречу предоставили Гу Яньчжоу. Его самопрезентация вышла лаконичной, сдержанной и исполненной профессионального достоинства.

Но стоило очереди дойти до Шао Си, как тяжелые дубовые двери с грохотом распахнулись.

В зал без стука ворвался Ян Цзэ. Его лихорадочный взгляд заметался по лицам присутствующих, проигнорировал Шао Си и Гу Яньчжоу и замер на режиссере Оу. Грудь парня тяжело вздымалась от ярости:

— Режиссер Оу! Почему меня убрали из проекта?! На каком основании?!

Всего за ночь он превратился в посмешище для всей индустрии. Купленные им хвалебные статьи, оплаченные тренды и накрученные отзывы ботов обернулись против него самого, сокрушительным ударом разрушив остатки репутации.

Режиссер Оу, славившийся крутым и прямолинейным нравом, не стал деликатничать при свидетелях:

— Ты еще смеешь спрашивать? Подкупил организаторов, выкрал вопросы к пробам — и качаешь права? Скажи спасибо, что мы не успели подписать контракт. Но даже если бы успели, я бы без раздумий выплатил любые неустойки, лишь бы не видеть твою физиономию на площадке. В моей команде проходимцам не место.

Ян Цзэ то бледнел, то покрывался багровыми пятнами. Он примчался сюда втайне от своего агента Ци Мина. Едва услышав новость о своей замене, он потерял контроль над собой и, ведомый слепой яростью, побежал качать права. Глупец и не подозревал, что их грязные махинации уже давно выплыли наружу.

— Имей хоть каплю гордости, парень, — сухо добавил Оу. — В этой индустрии так дела не делаются.

[Этот режиссер слишком прямолинеен, — не удержалась от комментария Система. — Кажется, одна из потенциальных целей миссии уплывает прямо из-под нашего носа.]

«Цель? Он?»

Шао Си мысленно скривился:

«Да я лучше вообще без очков жизни останусь, чем буду делить съёмочную площадку с этой гнидой. Рядом с ним только нервы тратить — чистый убыток для здоровья».

[Раз уж ты такой привередливый, придется пропустить этого персонажа. Объявляю следующую цель.]

Шао Си невольно выпрямился.

«Цель? Прямо в этом зале?»

****[Посмотри налево. Третий человек от тебя.]****

Шао Си скользнул взглядом мимо помощника режиссера и сценариста, задержав внимание на скромной, тихой девушке, которая старалась казаться как можно незаметнее.

Е Сюань.

После того как беснующегося Ян Цзэ под белы ручки выпроводила охрана, Шао Си наконец смог нормально представиться.

Е Сюань весь его монолог не покидало странное ощущение: взгляд парня казался живым, говорящим. Он то и дело задерживался на ней, а в уголках его прищуренных глаз плясали лукавые искорки.

****[Шао-Шао, давно хотела спросить: почему твои подкаты к девушкам всегда выглядят одинаково глупо? — подала голос Система. — Слишком топорная работа.]****

«Зато осечек не дает», — мысленно парировал Шао Си.

Когда подошла очередь Е Сюань, она заметно занервничала. Поднявшись, девушка вежливо поклонилась присутствующим:

— Здравствуйте. Меня зовут Е Сюань.

Годы, посвященные пекинской опере, наложили свой отпечаток: ее голос звучал непривычно — тонко, певуче, с едва уловимой вибрацией на выдохе. В нем странным образом сочетались мягкая нежность и скрытая сталь, но это ничуть не резало слух.

Е Сюань.

Абсолютно незаметная фигура в шоу-бизнесе, живущая исключительно искусством.

Какие тайны скрывает эта хрупкая душа?

****[Миссия активирована. Срок выполнения: не ограничен. Подсказки: отсутствуют.]****

****[Награда за успешное завершение: два года жизни.]****

Сценарий фильма «Маска» представлял собой классическую историческую драму. Главная героиня и второй мужской персонаж — оперные артисты, главный герой — суровый офицер. На первый взгляд — типичный любовный треугольник.

Однако самым глубоким и неоднозначным персонажем в этой истории были вовсе не мужчины, а именно героиня.

В финальном акте, когда за высокими стенами усадьбы бушует пожар войны, она, облаченная в роскошное парчовое одеяние, сидит перед зеркалом в пустом внутреннем дворике и неторопливо подводит брови.

Затем, сжимая в руке револьвер, она начинает кружиться в безумном танце, напевая арию «Ветер колышет листья лотоса».

«Пышное празднество небесное подошло к концу... Великолепные чертоги оказались лишь прахом, а судьбой своей я играю сама. Дикие горы оплели сорняки, запятнана священная ряса... Пусть разум мой угаснет в небытии. Рождение и смерть, слепота и прозрение — к чему бесплодная борьба? Любые слова лишь отдаляют от истины...»

На последней строчке песня обрывается. Девушка заталкивает дуло пистолета в рот, ее голос искажается, превращаясь в нелепый, почти комичный хрип на слове «борьба».

Секунда — и она безжалостно спускает курок.

Грохочет выстрел.

Каждый раз, перечитывая эти строки сценария, Шао Си ощущал, как к горлу подступает тяжелый, удушливый ком.

Впрочем, общая профессия персонажей давала ему колоссальное преимущество. Помимо официального наставника по вокалу, которого нанял режиссер Оу, Шао Си мог консультироваться напрямую у Е Сюань. Имея столь благовидный предлог для общения, он не сомневался, что рано или поздно сумеет разговорить молчаливую коллегу.

Если на сцене оперного театра Е Сюань не было равных, то ее навыки драматической игры оставляли желать лучшего. Поэтому, пока Шао Си осваивал основы пекинской оперы, девушка занималась актерским мастерством в соседней репетиционной.

Вся утренняя лекция Шао Си состояла из базовой теории. Во время обеденного перерыва парень, лениво потягивая воду из бутылки, поинтересовался у своего менеджера:

— А твой ненаглядный кумир чем занят? Петь ему не надо, играть он и так умеет. Прохлаждается?

Ли Гуанцзун, как истинный фанат, отслеживающий каждый шаг своего идола, тут же отчеканил:

— Он дает уроки актерского мастерства Е Сюань.

Шао Си едва не поперхнулся водой:

— Чего?..

«Старик Оу времени зря не теряет. Выжимает из людей максимум».

Шао Си прямо в алом сценическом халате отправился в соседний класс. Еще из коридора он услышал ровный, глубокий голос Гу Яньчжоу:

— Пойми, твоя героиня существует в этом мире словно живой мертвец. Она даже не пытается бороться... Ей чужда любовь этих мужчин, она хладнокровно планирует их гибель. Что она должна чувствовать в этот миг?

— Безумие? Или... холодное безразличие? — тихо предположила Е Сюань.

— Нет, в ней есть чувства, — Шао Си толкнул дверь плечом. Полы его ярко-красного, режущего глаза одеяния взметнулись при ходьбе. — Но все они заперты на сцене. Жизнь не похожа на театральные подмостки, и именно поэтому она не представляет, как ей существовать в реальности.

Он подошел ближе и заглянул девушке в глаза:

— Во всей этой истории ты — единственный персонаж без маски. Просто потому, что у тебя нет собственного лица. Играя Юй Цзи, ты становишься ею. Перевоплощаясь в Су Сань, ты растворяешься в ее образе. Ты обречена вечно жить в мире иллюзий.

Е Сюань растерянno молчала.

Гу Яньчжоу отложил распечатанный сценарий в сторону и посмотрел на незваного гостя:

— Твои метафоры слишком сложны для нее.

— Сложны? — приподнял бровь Шао Си.

Девушка робко кивнула.

— Ну, тогда забудьте, — легкомысленно бросил Шао Си, коснувшись носа. — В конце концов, каждый видит роль по-своему. Кстати, не хочешь пообедать вместе? Хотелось бы расспросить тебя кое о чем касательно оперы.

Хотя вопрос предназначался исключительно девушке, Гу Яньчжоу аккуратно свернул свой экземпляр текста и отозвался с предельно серьезным видом:

— И куда мы пойдем? Я как раз проголодался.

«... Он точно делает это специально», — подумал Шао Си.

— Да тут, в лапшичную внизу, — вздохнул парень. — Быстро перекусим и вернемся.

На подготовку им отвели ничтожно мало времени — всего две недели. Обычно на подобный разгон уходило не меньше пары месяцев, но режиссер Оу то ли безоговорочно верил в их гениальность, то ли просто любил экстремальные сроки.

Е Сюань производила впечатление тихой, миловидной домашней девочки, однако Шао Си нутром чуял: за внешней мягкостью скрывается глухая стена эмоциональной отстраненности.

Весь обед Шао Си усердно разыгрывал роль прилежного ученика. Девушка терпеливо разъясняла ему нюансы:

— Пение, декламация, мимика и боевая пластика — вот четыре столпа, на которых держится мастерство актера пекинской оперы.

Но стоило ему перевести разговор на более личные темы — вроде «почему ты решила связать жизнь с оперой?», как Е Сюань тут же замыкалась в себе, выдавая сухие, обтекаемые фразы.

Быстро расправившись со своей порцией, она молча достала кошелек. Все попытки Шао Си перехватить счет оказались безуспешными.

— Я не привыкла, чтобы за меня платили посторонние. Пожалуйста, не ставьте меня в неловкое положение, — отрезала она, оставила нужную сумму на столе и покинула заведение.

Только теперь Шао Си окончательно убедился, что характер у этой особы далеко не сахарный.

Гу Яньчжоу легонько постучал палочкой по краю пиалы, привлекая его внимание:

— Прием, вернись на землю. Ее уже и след простыл, а ты все глазами ее выискиваешь.

— Я смотрел на часы, — с непроницаемым лицом соврал Шао Си. — Вон те, на дальней стене. Циферблат слишком далеко, никак не разгляжу стрелки.

Гу Яньчжоу молча подцепил палочками порцию лапши, решив не устраивать сцену.

Однако уже перед самым выходом из лапшичной, когда они расплатились и направились к дверям, Гу Яньчжоу внезапно обронил:

— Знаешь, а я заметил, что ты горазд глазки строить направо и налево.

«...»

Шао Си едва не оступился на ровном месте. Кое-как восстановив равновесие, он уставился на мужчину в полной уверенности, что ему послышалось:

— Что ты сейчас сказал?

<http://bllate.org/book/18321/1756416>